

Марков Евгений Львович

Берег моря

Часть 1. Роман из крымской жизни

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Е14

Е14 **Евгений Львович М.**
Берег моря: Часть 1. Роман из крымской жизни / Марков Евгений Львович – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 343 с.

ISBN 978-5-519-95471-6

ISBN 978-5-519-95471-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

O, Meer,
Mutter der Schönheit, der
Schaumentstiegenen!
(O море, мать красоты,
изъ пѣны рожденной!)
H. Heine.

I.

Съ вершины Кастели.

Хорошо теплое южное море у береговъ Судацкихъ горъ: вѣчная, безпредѣльная, колышется своею неизвѣданной глубиною эта голубая пучина..... Хороша она, страшна она... Сувѣрное сердце поклонится ей съ восторженнымъ ужасомъ, какъ грозному богу древности.

Безокая красота, безмолвная мощь глядятъ въ этомъ непрерывающемъ трепетѣ движенья. Это трепещетъ жизнь; это она скользитъ мимолетною радостью надъ бездонной могилой... На поверхности—движенъе, свѣтъ, краски, просторъ, вѣчно измѣнчивое, вѣчно чарующее настоящее; въ глубинѣ водныхъ безднъ—глухо, безотрадно и темно, какъ въ прошедшемъ—могилѣ вѣковъ..

Стелятся волны, вырастая и исчезая безконечною чредою, наполняя окрестность смутнымъ ропотомъ... Онѣ облизываютъ, сквозясь то бирюзою, то малахитомъ, разноцвѣтные утесы, разноцвѣтные камни берега, шуршатъ грудями красивыхъ голышей, и съ однообразнымъ всплескомъ отливаютъ

туда, на югъ, къ дальнимъ берегамъ Трапезунта, дружины за дружинами, ликующія, плещущія, шумящія свою воинственную пѣснь.

Такія-же, съ такимъ-же плескомъ и удалю неслись онѣ къ тѣмъ-же самымъ берегамъ вѣка назадъ, тысячелѣтія назадъ, когда еще не было на землѣ разумаго глаза, который могъ слѣдить за ними, полный страха и наслажденія...

На эти волны смотрѣли Язонъ и Орфей, ихъ переплывали Улиссъ и Ифигенія.

Море — великая и никогда незакрываемая книга исторіи... И эти скалы надъ моремъ, этотъ берегъ, ошестинившійся рѣзными каменными утесами всѣхъ формъ, всѣхъ красокъ,—это тоже исторія...

Они давно смотрятъ другъ на друга, эти два нѣмые, вѣчные свидѣтели, и въ нихъ обоихъ могила отжившихъ царствъ, исчезнувшихъ народовъ...

Каждый камень этого берега полонъ священныхъ преданій, полонъ таинственного смысла.

На утесахъ, въ ущельяхъ — обломки человѣческихъ сооруженій. Имя каждой тропинки, cadaго холма дышетъ событіями. Оттого надъ этой дикой глушью, надъ этой пустыней, задвинутой отовсюду стѣною скалъ и равниною водъ, на которую смотритъ только сверху жаркое синее небо, словно надъ нерукотворнымъ мавзолеемъ прошлаго, почіетъ какая-то незримая торжественная жизнь...

Ничего подобнаго не ощутитъ человѣкъ ни въ безбрежныхъ степяхъ дѣвственныхъ странъ, ни въ сытомъ обиліи и суровомъ трудолюбіи тѣсно заселеннаго края.

Два человѣка любовались въ эту минуту полной чудной жизни пустынею... Они любовались ею изъ-подъ облачной выси, съ вершины самой большой и самой скалистой горы берега, которую греки называли Кастель, а татары — Бабай-Дагъ, дѣдушка-гора.

Облака на этотъ разъ стояли высоко надъ горою въ горячей синевѣ, и двумъ наблюдателямъ было видно, какъ на ладони, до самаго далекаго горизонта, море и горы.

Еслибы въ эту минуту посмотрѣть съ береговой тропинки внизу на вершину Кастеля, то опытный глазъ разглядѣлъ-бы довольно легко двѣ крохотныя черныя мушки, вырѣзавшіяся на бѣлыхъ известковыхъ утесахъ, капризно изѣденныхъ временемъ. Вблизи этими черными мушками оказывались два человѣка, стоявшіе на самой макушкѣ Кастели.

Мужчина былъ загорѣлый, рослый и мужественно-красивый брюнетъ;—онъ напоминалъ итальянца своей бородой и бронзовымъ цвѣтомъ лица;—но кто-бы всмотрѣлся въ его глаза, полные спокойной теплоты и задушевной мягкости, въ доброе, но вмѣстѣ нѣсколько скептическое выраженіе его лица, тотъ не сомнѣвался-бы, что передъ нимъ чистокровный славянинъ, русскій безъ примѣси: до такой степени это лицо было далеко отъ фанатически-упрямаго, жарко-страстнаго или іезуитски-хитраго и цинически веселаго выраженія южныхъ расъ, отъ портретовъ Ринальдо и Фигаро...

Мужчина былъ одѣтъ удобно и небрежно въ перепоясанную ремнемъ блузу изъ грубой паруси-

ны, на ногахъ его были толстые, татарскіе башмаки изъ буйволовоѣ кожи, незамѣнимые никакою обувью на каменистыхъ тропинкахъ Крымскихъ горъ, а его умную, красиво-округленную голову съ коротко-остриженными волосами накрывала широкая соломенная шляпа.

Однако, несмотря на этотъ нарядъ чернорабочаго, въ простотѣ и свободѣ его движеній, въ его осмысленномъ взглядѣ, съ благородствѣ всей его осанки, когда онъ стоялъ задумавшись, пристально уставившись вдаль, ставъ одной ногой на высокій камень и упираясь обѣими руками въ окованный желѣзомъ длинный горный посохъ изъ дикой виноградины, сейчасъ было видно, что это стоитъ человѣкъ не грубой мышечной силы, а человѣкъ, въ которомъ горитъ просвѣтленная мысль и бьется чуткое сердце.

Женщина не стояла, а сидѣла около мужчины на томъ самомъ бѣломъ камнѣ, на который опиралась его нога. Въ ея рукахъ былъ такой-же посохъ съ желѣзнымъ наконечникомъ, и нарядъ ея отличался такою-же безцеремонною простотою, какъ и нарядъ ея спутника, оправдываемый только тѣмъ удобствомъ, съ какимъ въ немъ можно было лазить даже женщинѣ по утесамъ и обваламъ.

Женщина была рослая, сильно сложенная брюнетка, съ крупными, правильными чертами лица, въ которыхъ классическая строгость родоваго южнаго типа смягчалась гуманными привычками европейскаго воспитанія. Она сидѣла, снявъ шляпу, раскраснѣвшаяся отъ усталости, и ея открытое цвѣтущее лицо глядѣло весело впередъ. Ей было лѣтъ 25, но она была еще свѣжа, какъ девятнад-

цатилѣтная дѣвушка: такимъ всегда бываетъ здоровый, во-время развившійся организмъ, неиспытанный слишкомъ суровыхъ лишеній жизни...

— Хорошо! вырвалось, наконецъ, словно вздохъ, изъ груди мужчины, послѣ того какъ оба они долго молча смотрѣли на море, разстилавшееся у ихъ ногъ.—Посмотри, Анна, море подымается къ горизонту почти стѣною... Кажется, что оно стоитъ кругомъ насъ и выше насъ... что мы на утесѣ одинокаго островка... Снизу никогда не увидишь этого... Тамъ все кажется иначе...

— Да, тутъ странно... и немножко страшно, задумчиво отвѣчала Анна вздохнувъ.—Какой громадный охватъ моря! Оно отсюда гораздо величественнѣе.

— Небо спускается къ морю, а море подымается къ небу, добавилъ мужчина.—Голубой сводъ, опрокинутый на другой.

— А вѣдь мы всего 4,000 футовъ надъ моремъ, опять началъ мужчина, не оборачиваясь къ своей подругѣ.—Помнишь, Анна, мы видали трехъугольный парусъ на краю горизонта, когда стали подниматься... Посмотри, гдѣ онъ теперь... совсѣмъ посрединѣ, почти подъ ногами нашими... Посмотри, сколько открылось за нимъ новыхъ горизонтовъ, сколько парусовъ!..

— Должно быть, въ Керчь идутъ или въ Сухумъ... настоящіе обозы на большой дорогѣ у насъ въ Россіи, замѣтила Анна.—Тянутся одинъ за другимъ, какъ-будто и на водѣ имъ дорога видна... Все по одной и той-же линіи.

— Хорошо! еще разъ повторилъ мужчина, съ

видимымъ наслажденіемъ, вдыхая въ себя полной грудью горный воздухъ.

— Ты не усталъ, Сергѣй? Присядь отдохнуть.

— Присѣсть-то не хочется; виднѣе стоя... Птицы летаютъ цѣлые дни и не знаютъ устали, а мы взобрались на какую-нибудь горку, и ужь нужно отдыхать!... Надо ломать себя, приучить, какъ татаринъ приучилъ... нашъ Бекиръ можетъ бѣгать пѣшкомъ по горамъ за 10 верстъ и вернется какъ ни въ чемъ не бывало.

— Да ужь мы порядочно приучились, сказала Анна.— Мнѣ, впрочемъ, легче твоего. Я все дѣтство провела на горахъ. Мои ноги скоро вспомнили старое. Помнишь, какъ ты отставалъ отъ меня на Альпахъ подъ Шильдгорномъ?..

— Альпы и меня вышколили, сказалъ Сергѣй.— Если-бы не онѣ, не взобраться бы мнѣ сюда. А теперь я молодцомъ, голова не кружится, нога тверда, хоть поташу кого на верхъ.

Онѣ разговаривали урывками, не глядя другъ на друга, любуясь открывавшимся видомъ. Бѣлые известковые утесы причудливыми зубьями вырѣзались на глубокой синевѣ южнаго неба, словно башни заоблачнаго замка. Сѣрыя и бронзово-зеленныя ящерицы то быстро, какъ молнія, скользили по камнямъ этихъ утесовъ, ныряя въ свои незримые ходы, то лежали неподвижно распластанныя на голомъ припекѣ солнца... Свѣжая ярко-зеленая трава, постоянно орошаемая влагою облаковъ, заманчивыми лужками заполняла лощинки и выемки известняка, словно здѣсь на верху горы были уже не выжженные сухимъ зноемъ, каменистыя толщи крым-

скаго берега, а сырая и тучная почва родныхъ русскихъ полей.

И по голымъ плитамъ известняка, и по зеленой травѣ ложбинокъ были раскинуты сѣрые тесаные камни, перемежанные съ красными черепками старинной глиняной посуды и раздавленными раковинами устриць, а подъ самымъ утесомъ, у котораго отдыхали наши путники, виднѣлись совсѣмъ замшившіеся отъ сырости заоблачнаго воздуха, еще устоявшія развалины какого-то давно разрушеннаго осьмиугольнаго зданія.

— Не забудь-же набросать планъ, Сергѣй, прервала молчаніе его подруга.—Ты помнишь размѣры: входная стѣна 5 фут., короткія—по два.. Лучше теперь набросать, а то забудешь подъ наплывомъ другихъ впечатлѣній... А я пока нарисую фасадъ... Онъ очень напоминаетъ часовню на Демерджи... Должно быть, обѣ генуэзскія, а не греческія... Вѣдь помнишь, и тамъ что-то похоже на Георгія Побѣдоносца... А здѣсь уже совсѣмъ ясно: копье и лошадь... и какъ ты ни спорь, а буквы латинскія *n* и *o*—навѣрное это окончаніе отъ *anno*.

— Можетъ быть... только я въ этихъ случаяхъ держусь неумолимой точности. По-моему нѣтъ ни *n*, и *o*, а просто какія-то завитушки изъ арабесковъ... Камень, очевидно, съ карниза, а на карнизѣ была рѣзьба. Вѣдь вотъ, когда мы нашли дѣйствительно надпись въ Темиръ-Хапу, нельзя-же было спорить, что это не надпись: написано *ex ordine Domini*—такъ и видно, что написано—хоть фотографію снимай. Да, впрочемъ, въ этомъ нѣтъ

важности. Тутъ ни въ какомъ случаѣ не могло быть греческой церкви, тутъ все генуэзское.

— О, это навѣрное! Мнѣ еще покойный отецъ говорилъ, что онъ видѣлъ на Кастели древнюю генуэзскую крѣпость... У Вазали она прямо названа *Castello del Santo Giovanni*. Если расчесть на наши версты, сколько морскихъ миль онъ полагаетъ отъ Сугдайи до своего *Castello*, и потомъ отъ *Castello* до Ласпи, то не остается никакого сомнѣнія, что онъ говорить о нашей Кастели. Оттого-то мнѣ такъ и хочется отыскать водопроводъ, Вазали называетъ его «чистѣйшимъ, славнѣйшимъ и водообильнѣйшимъ во всей Хазаріи». Можетъ быть, и, въ самомъ дѣлѣ, это тотъ водопроводъ, который былъ забитъ венеціанцами во время Дѣндылы, какъ разсказывается въ хроникѣ польскаго посла. Тогда-бы стоило потрудиться раскопать его заново; каждый клочекъ нашего виноградника и самый послѣдній татарскій «чаиръ» поднялись-бы вдесятеро въ цѣнѣ. Мы сейчасъ же могли-бы устроить великолѣпный новый виноградникъ въ нашей сухой балкѣ, что Бекиръ величаетъ «ташь-чокракъ». Недаромъ это названіе—ужь вѣрно когда-нибудь былъ здѣсь источникъ.

Мужчина молча посмотрѣлъ на свою собесѣдницу улыбулся какою-то внутреннею ласковой улыбкой и опять продолжалъ глядѣть на море, изрѣдка глубоко втягивая воздухъ въ свою грудь, разгоряченную ходьбою.

— Древніе были удивительные знатоки природы, начала черезъ нѣсколько минутъ Анна, больше